

Проблема повседневности в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»

Роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» – это «вымышленная автобиография вымышленного лица». В этой автобиографии прежде всего важно не то, как происходит взросление и формирование личности, а то, что Алексей Арсеньев через постижение бытия, через узнавания внешнего мира становится поэтом, художником слова. В статье рассматриваются конкретные повседневные реалии и прослеживается, как эти реалии осмысляются и переживаются героем. В качестве категорий повседневности в статье предстают жизнь в усадьбе, дом, взаимоотношения с обитателями дома, учёба в гимназии, а также любовь и смерть, ибо эти категории являются аспектами не только философско-бытийного размышления, но неотъемлемой частью обыденного существования человека.

Ключевые слова: И. А. Бунин, роман «Жизнь Арсеньева», повседневность, творчество.

Tatiana Komarova

The Problem of Everyday Life in I. A. Bunin's Novel "The Life of Arsenyev"

I. A. Bunin's novel "The Life of Arsenyev" is a "fictional autobiography of a fictional person". The most important thing in this autobiography is not growing up and forming a personality of the hero but the fact that Alexey Arsenyev becomes a poet, an artist of words through comprehension of being, through recognition of the external world.

The article examines specific everyday realities and traces how these realities are comprehended and experienced by the hero. Life in the estate, home, relationships with the inhabitants of the house, study in gymnasias, as well as love and death appear in the article as categories of everyday life, for these categories are aspects not only of philosophical and existential thinking, but an integral part of everyday life human existence.

Key words: I. A. Bunin, the novel "The Life of Arsenyev", everyday life, creativity.

Проблема повседневности в гуманитарной науке начала разрабатываться в большей степени в философии, антропологии, социологии и истории. В литературу этот вопрос пришёл позже.

В социологии повседневность понимается как «реальность, которая интерпретируется людьми и имеет для них субъективную значимость в качестве

цельного мира» [3, с. 38]. Из этого определения следует, что, во-первых, повседневность очевидна для всех людей, но она является неоднородной по своему содержанию и смыслу, т. е. повседневность – это целостный мир, в котором человек взаимодействует с другими, тогда с этой позиции повседневность объективна. Во-вторых, бытие конкретного человека индивидуально, а значит повседневность субъективна.

Повседневность исследовалась и феноменологией, была интересна экзистенциализму и кибернетике. О языке повседневности говорил Л. Витгенштейн, о мифологии обыденной жизни рассуждал Р. Барт и другие [13, с. 10]. Ортега-и-Гассет утверждал: «Мы прежде всего то, что творит из нас мир, и главные свойства нашей души оттиснуты на ней окружением. Это неудивительно, ибо жить означает вживаться в мир» [9, с. 10]. Это взаимообратный процесс: мир входит в человека, а человек входит в мир. Индивид часть своего поколения, а этому поколению свойственны конкретные исторические реалии: время, пространство, социальные и экономические проблемы

А. Шюц рассматривал реальность не как изначально заданную, а как постоянный процесс формирования «картины мира, в которой мы живём» [15, с. 14–16]. Исследователь также отмечал, что картина мира субъективна, ибо она меняется в зависимости от людей, их представлений, стремлений, убеждений, реакций на события, воспоминаний о прошлом и мечтаний о будущем.

Отечественные философы определяли повседневность как «природно-телесное и лично-общественное бытие, поведение человека, необходимая предпосылка и общий компонент всех остальных форм людской жизнедеятельности» [7, с. 22].

М. Блок, Ф. Бродель, Л. Февра отмечали, что повседневность охватывает материальные и нематериальные реалии человеческой жизни [13, с. 13].

Французский философ и литературовед Мишель де Серто акцентирует внимание на том, что у повседневности двойственная природа. Во-первых, она истощает деятельность, а во-вторых, её продуцирует, т. е. открывает возможности для творчества [13, с. 14].

В центре литературного произведения стоит человек, значит, и повседневность, которая окружает его, так или иначе подвергнута осмыслению, рефлексии и интерпретации. В разные исторические эпохи повседневность рассматривалась с разных сторон. В романтизме, например, повседневность бюргера высмеивалась и противопоставлялась уделу художника-творца. В реализме и натурализме жизнь персонажа подвергалась скрупулёзному анализу. На фоне чудовищной действительности, серой и жестокой жизни развивалась

тема «маленького человека» и «человека из подполья». Герои стоически противостояли действительности или же были полностью поглощены окружающей обыденностью.

В модернистских течениях повседневность подвергалась разным способам реализаций в художественном произведении. Рассматривалась повседневность как созидающий или разрушительный фактор и нацеленность автора на то, чтобы либо подвергнуть критике повседневность, либо увидеть в ней начало человеческой жизни. Писатели и поэты XX века пытались по-своему осмыслить и художественно освоить обыденное. Возможно, именно это мы находим в строчках А. Ахматовой: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда...».

Роман И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева» – это история пробуждения поэтического сознания будущего художника. Первые отклики юного поэта на проявления бытия отражают процесс «воспитания чувств», в результате которого рождается личность художника [6, с. 121].

В бунинском романе представлено повествование от первого лица. Я-повествование позволяет говорить о том, что пространство повседневности воспринимается субъективно. Читатель видит мир глазами героя Арсеньева – взрослеющей, формирующейся личности художника и глазами рассказчика Арсеньева – человека зрелого, имеющего сформировавшуюся картину мира. Это несколько затрудняет исследование вопроса о том, каким видит мир повседневности герой, как эта повседневность реализуется в романе, ибо в повествовании рядом с впечатлениями ребёнка или юноши всегда идут размышления и рефлексия Арсеньева-рассказчика. Тем не менее мы обратимся к конкретным повседневным реалиям романа и проследим, как эти реалии осмысляются и переживаются героем.

К категориям повседневности мы отнесём *жизнь в усадьбе, дом, взаимоотношения с обитателями дома, учёбу в гимназии, а также любовь и смерть*, ибо эти категории так или иначе являются аспектами не только философско-бытийного размышления, но неотъемлемой частью обыденного существования человека.

И. А. Бунин наделил своего героя чрезвычайно поэтическим и внимательным отношением к окружающей действительности. Алексей Арсеньев с детства начинает процесс «узнавания» человеческой жизни, но не с помощью накопления практических знаний, умений и навыков, а посредством чувственного восприятия. Детские впечатления Арсеньева-ребёнка приобретают небывалый эмоционально-духовный резонанс, например, в начале первой главы первой книги представлены воспоминания Арсеньева о младенчестве. Что

предстает перед глазами ребёнка: дом, комната, «скудный мир» усадебного быта. Но здесь нет конкретных описаний, здесь есть чувства: одиночество, печаль, зов пространства и времени, первые радости земного бытия. Окружающее воспринимается Арсеньевым не как обычное бытовое пространство, оно наполняется поэтическими образами: «сухим блеском над косогором», «вспыхнувшим сознанием» жизни и памяти. Место, где родился Арсеньев, воспринимается им метафорично и образно: «великая глушь», «пустынные поля», «одинокая усадьба», «море хлебов», «глубина неба» и проч. Арсеньев среди обыденных явлений усадебной жизни помнит только чувство одиночества и странную «томящую красоту» вокруг себя, он чувствует порыв, зов к чему-то неизведанному, вечному. Взрослея, Алексей почувствует радость домашнего уюта, защищённость, тепло родного дома. Он начнёт понимать, что всё живёт своей интересной и необычной жизнью: лошади в конюшне, изящные и красивые ласточки, Богородичный Цветок. Мир расширяется и усложняется, чувства усложняются вместе с освоением этого мира. Позже Арсеньев будет томиться печалью и душевной пустотой от обнищания, разрушительности, самоистребления усадебного уклада. Великая скорбь и даже какая-то родовая вина будет чувствоваться уже повзрослевшим героем.

«Круглая коробочка» ваксы возбудит в Алёше Арсеньеве насыщенную палитру чувств и впечатлений. Казалось бы, обыденная бытовая вещь, но окажется самым ярким и радостным воспоминанием на всю жизнь. Красные сафьяновые сапожки станут не просто предметом нового гардероба, а источником счастья, восторга, самого «лучшего в мире». Поездка в город – событие, доступное любому помещицкому человеку дореволюционной России, – но для Алексея эта поездка станет первым в жизни путешествием, которое раскроет мальчику «радости земного бытия». Арсеньев отметит позже, что последующие поездки и путешествия не будут столь запоминающимися, столь памятными. Поэтика первого грандиозного события в жизни ребёнка противопоставлена обыденности.

Предметы быта и интерьера дома возбуждают интерес и восторг в душе Арсеньева-ребёнка, например, отцовский охотничий кинжал: «...мне хотелось поцеловать, прижать её (сталь кинжала. – Т. К.) к сердцу...». Бунин не идеализирует своего героя. Голос Арсеньева-рассказчика дальше выразит недоумение от заблуждений и инстинктивных чувств мальчика, который «с истинным упоением зарезал однажды молодого грача с перебитым крылом» [1, с. 30].

В четвёртой главке первой книги описано первое узнавание членов семьи Арсеньевым. Интересно, что здесь пока нет конкретных портретов ни матери,

ни отца, ни няньки – даны чувства, осознание внутреннего склада близких людей, осмысление их места в своей жизни. Позже Алексей проникнется переживаниями и страданиями матери, поймёт драматизм фигуры отца: *«Когда вспоминаю отца, всегда чувствую раскаяние – всё кажется, что недостаточно ценил и любил его...»* [1, с. 247].

В детстве Арсеньеву был выписан воспитатель – Баскаков. Алексей не помнит, когда конкретно появился этот человек в доме, он помнит только, что это случилось «неожиданно», в «ледяной и ненастный день». Арсеньев сравнивает внешность Баскакова с чёртом, а обучение под его руководством – с незабываемыми приключениями: рассказы Баскакова, рисование красками, посещение вместе чердака в поисках «сказочной» прадедовской сабли возбуждали интерес, волнение, страсть и ощущение чего-то волшебного, колдовского. Так обыденное и бытовое действие – обучение и воспитание – вспоминаются Арсеньеву как мир художественный, приключенческий, волшебный.

Обыденность чужда Арсеньеву, пошлость и повседневную рутину он отвергает уже с детства. Примечателен эпизод, когда Николай, старший брат, взялся рисовать будущее Алексею: *«...ну, что ж, сказал он, подшучивая, мы конечно, уже вполне разорены, и ты куда-нибудь поступишь, когда подрастёшь, будешь служить, женишься, заведёшь детей, кое-что скопишь, купишь домик, — и я вдруг так живо почувствовал весь ужас и всю низость подобного будущего, что разрыдался...»* [1, с. 37]. Обострённое чувство прекрасного, тяга к чему-то необычному, истинному и вечному не даёт ему примириться с прозой жизни. Прозаическое, пошрое, обычное вызывает ужас.

Похожие чувства Арсеньев испытает и от обыденности гимназии и дома Ростовцевых: *«Но, может, ещё ужаснее было то, что <...> быстро покорился я судьбе, и жизнь моя стала довольно обычной гимназической жизнью, если не считать моей не совсем обычной впечатлительности»* [1, с. 56]. Эти чувства усугубляются в душе мальчика разлукой с родным домом, с близкими людьми. Новое бытовое пространство становится замкнутым и тесным в восприятии мальчика после простора усадьбы, тихого уюта жизни дома. Скука и рутину не дают покоя юному гимназисту. Арсеньев мечтает понять себя, выразить что-то в стихах, «в поэтической выдумке». Будни гимназии и дома Ростовцевых ассоциируются со «скудными, свинцовыми» днями осени. Такие дни противопоставлены праздничному «табельному» дню, когда все в парадном облачении отправлялись к обедне. Многолюдие, колокольный звон, золото иконостаса, пылающие свечи, длительная и пышная служба, – всё это возбуждает ощущение величия и великолепия всего происходящего, удовольствие, нежность, горячность. После – гуляние по тесному городскому саду,

толпы людей, военный оркестр, «хорошенькая барышня», которая возбудит чувство первой мимолётной влюбленности. Обычная прогулка окажется поэтично-прекрасной, томной, после всех испытанных чувств юный герой будет «сладко болен несколько дней».

Смерть, как и любовь, дружба, социальные взаимоотношения, становится явлением не только философских и религиозных рассуждений, но и неотъемлемой частью обыденной жизни: смертью заканчивается телесная жизнь, смертью начинается жизнь бестелесная, жизнь в памяти. Алексей Арсеньев рано узнаёт, что такое смерть, в ещё совсем в юном возрасте, но он понимает силу и неизбежность смерти, небытия. Арсеньев вспоминает, что ещё в младенчестве он с интересом и чувствительностью слушал рассказы о нечистой силе, о «покойниках», о жизни «на том свете». Он рано осознал, что смерть как-то странно соединена с бессмертием души. В романе первое упоминание о смерти физической было связано с гибелью работника Сеньки. Слова «мёртвое тело» возбуждают страх в душе мальчика. Однако Алексей не видел эту смерть. Впервые он столкнётся с этим лично, когда не станет его сестры Нади, и вот здесь придёт взрослое, даже мудрое не по годам, осознание, *«что и я смертен, что и со мной каждую минуту может случиться то дикое, ужасное, что случилось с Надей, и что вообще всё земное, всё живое, вещественное, телесное, непременно подлежит гибели...»* [1, с. 39]. Впечатлительная натура Арсеньева нашла не детское решение для борьбы со страхом и чувством обречённости: Алексей обращается к Богу. Арсеньев живёт «внутренним созерцанием» духовной жизни, отрешается от бытовых ситуаций дома, упивается своими «скорбными радостями». Мечты о том, что некогда его причислят к лику святых, истязания себя, замкнутость в своём «сказочно-святом» мире говорят о том, что с детства Арсеньева влечёт что-то необычное, поэтическое, возвышенное, ему мало обыденных радостей и горестей жизни, ему нужна красота, сказка, поэзия. Пока он только ищет свой путь, предпринимает попытки избежать пошлости и обыкновенности, уйти от повседневности в мир уникальный, настоящий, вечный.

Приведем еще один пример символического значения факта жизни и смерти. «Смерть Писарева» описана в трёх главах романа. Три главы – три дня. Первый день: Алексей Арсеньев впервые видит мертвого Писарева. Арсеньев входит в замкнутое пространство – «дом», в котором мир жизни и живые пересекаются с миром смерти. И первое впечатление души Арсеньева – «странность» превращения живого человека в покойника. Для Арсеньева покойник *«пока совсем как живой <...> Я спокойно и тупо глядел на него, даже попробовал его лоб и руки – они были почти теплы»* [1, с. 90]. Тепло – признак

живого и последнее, что связывает Писарева с миром жизни. *«К вечеру, однако, все очень изменилось <...> Я пристально смотрел то вперед, туда, где в дымном блеске и сумраке тускло и уже страшно мерцал как-то скорбно-поныкий, потемневший за день лик покойника»* [1, с. 91]. Писарев уже не похож на живого, превращение совершается зримо.

Второй день: Алексей осознает, что смерть трагична, но жизнь продолжается. Я *«с ужасом увидал совсем рядом с собой длинную, стоямя прислоненную к стене, новую темно-фиолетовую крышку гроба»* [1, с. 91]. Крышка гроба, поставленная вне дома, расширяет границы замкнутого пространства до размеров земного бытия. Здесь же дано восприятие мира природы Арсеньевым: *«Пели зяблики <...> сладко и больно умилял душу запах земли, молодой травы, однообразно, важно и торжествующе, не нарушая кроткой тишины сада, орали грачи вдали на низах»* [1, с. 91]. И это восприятие дисгармонично: грачи орут «торжествующе», но – «не нарушая кроткой тишины сада». Так же и смерть явственно присутствует, но не в силах повлиять на радость весны. И текстовое возвращение к миру смерти от мира жизни следует сразу после упоминания «грачей»: *«И во всем была смерть, смерть, смешанная с весной, милой и бесцельной жизнью!»* [1, с. 91–92].

Третий день: Арсеньев осознает, что тело Писарева, хотя и окончательно обретает внешнее сходство с явлениями мира предметов (*«то ужасное, что лежит в зале на столах, в этих вкось расходящихся краях гробового ящика»* [1, с. 94]), однако, несмотря на это, не есть явление мира предметов, как, например, туфли Писарева: *«да, его уже нет, а вот туфли все стоят и могут простоять еще хоть сто лет!»* [1, с. 94]. В восприятии Арсеньева «жизнь» Писарева продолжается, пусть и вне рамок земного бытия. Вынос тела Писарева из дома – это выход за границы замкнутого пространства: *«да никогда не переступит оно вновь порог этого дома!»* [1, с. 95]. Для тела возвращения не существует. Но конец плоти – это начало нового бытия души: *«Я смотрел, думая: что он похож теперь на древнего великого князя, он теперь навеки приобщен как бы к лику святых, к сонму всех праотцов и пращуров наших»* [1, с. 96].

Алексей Арсеньев воспринимает жизненную ситуацию смерти человека философски. Да, Арсеньев скорбит, страдает, но он пытается разгадать тайну смерти, осмыслить её границы, её суть, он пытается понять, как сосуществуют жизнь и смерть. Смерть, уход человека в мир внебытийный вызывает в Алексее Арсеньеве экзистенциальный ужас, осознание конечности физического существования. Но рядом с этим всегда его (Арсеньева. – Т. К.) острое восприятие происходящего, философское, художественное восприятие.

Постижение героем мира любви в романе «Жизнь Арсеньева» происходит ещё в детстве и в отрочестве. Первые ощущения от любви появляются в неопытных соприкосновениях с миром людей. *«В такой полдень видел я однажды брата Николая <...>, приехавшего с поля с Сашкой, девкой из Новоселок. Я уже что-то слышал о них на дворе – что-то непонятное, но почему-то запавшее мне в сердце. И теперь, увидав их вдвоем на возу, вдруг с тайным восторгом почувствовал их красоту, юность, счастье»* [1, с. 21]. Это пример внешнего, зрительного восприятия мира любви, ощущение его проявления в мире людей.

В отрочестве душа героя впервые сама непосредственно соприкасается с миром любви – он сам почувствовал влюбленность в «хорошенькую барышню», столкнувшуюся в аллее с Ростовцевым. Ростовцев для Арсеньева – олицетворение пошлости, заурядности и рутины жизни, а «хорошенькая барышня» вызывает чувства чистые, удивительные, похожие на «сладкую болезнь». «Хорошенькая барышня» и чувство к ней, которое возникло у Арсеньева, противопоставлены обыденному и повседневному. Отметим и то, что «хорошенькая барышня» лишена конкретных черт, это бестелесный образ первой влюблённости.

Наля возбудит в душе героя уже другие чувства: *«впервые в жизни я вдруг почувствовал не только влюбленность <...> влюбленность, уже совсем не похожую на то мимолетное, легкое, таинственное и прекрасное, что коснулось меня когда-то ... но уже и нечто мужское, телесное»* [1, с. 69–70]. В новом соприкосновении с миром любви речь идет «о теле». Поэтому внешность, не имевшая значения в момент осознания своей физической, телесной сущности, вдруг заявляет о себе: *«Я сходил к парикмахеру, который постриг меня «бобрком» и, надушив, вздрал этот бобрком сально и пряно вонявшей круглой щеткой, я чуть не час мылся, наряжался и чистился»* [1, с. 70]. И объект чувства – реальный, телесный: *«маленькая женщина-девочка, очень ладно сложенная и очень изящно и просто одетая <...> я впервые в жизни так живо и чувственно ощутил все то особенное и ужасное, что есть в женских смеющихся губах, в детском звуке женского голоса, в округлости женских плечей, в тонкости женской талии, в том непередаваемом, что есть даже в женской щиколотке»* [1, с. 70]. Арсеньев влюблён не в душу Наля, его влечёт тело. Новизна этого чувства страшит героя: *«К счастью, Наля через несколько дней уехала»* [1, с. 70].

В «Жизни Арсеньева» мир любви обретает гармонию лишь в том случае, когда основой телесного чувства служит духовное родство. Подтверждает предположение образ Анхен. И определенно образ Анхен позволяет говорить

о «воссоединении» «души» («хорошенькая барышня») и «тела» (Наля). Встреча с Анхен – это открытие мира любви уже юным Арсеньевым. Герой и физически, и духовно готов к постижению гармонии этого мира. Интересна деталь: «таинственно и осторожно пели соловьи». Это говорит о проявлении первого гармоничного чувства любви.

Начало нового «этапа» представлено чувством души. *«Я влюблен был в Лизу на поэтический старинный лад и как в существо, вполне принадлежащее нашей среде»* [1, с. 111]. Лиза наделена реальными чертами, но все они более поэтический образ, чем телесный: *«Белизна ее ножек в зеленой траве была невыразимо прелестна»* [1, с. 113]. Другой оттенок имеет «одновременное» чувство к Асе. В Асе Арсеньев отмечает и чувствует женское: *«...наше с ней одиночество в поле, меж тем как ее лироподобное тело великолепно лежало на седле и тугая икра левой ноги, упертой в стремя, все время мелькала под развевающимся подолом амазонки»* [1, с. 113]. Это тоже поэзия, но более поэзия тела, чем души. Арсеньев чувствует поэзию любви – как любви телесной, так и любви другой, противоположной телесной.

Следующие отношения Арсеньева будут с горничной Тонькой. То, что происходит с Арсеньевым и Тонькой, в романе «Жизни Арсеньева» названо «соблазном». Арсеньев чувствует влечение к Тоньке, однако этот «соблазн» возбудит чувство совести и стыда, чувство страха и ужаса в душе героя. Однако позже: *«А случилось только то законное, необходимое, что и должно было случиться, – ведь мне уже семнадцать лет... И меня охватило чувство торжества, мужской гордости. Как глупо все, что лезло мне в голову ночью! Как это дивно и ужасно, то, что было вчера! И это опять будет, может быть, даже нынче же!»* [1, с. 125]. Но обратим внимание на то, чем заканчиваются размышления героя: *«Ах, как я люблю и буду любить ее!»* «Любить» употреблено здесь как проявление потребности в духовном, высшем. Одной телесной любви Арсеньеву мало, он стремится к другим чувствам: светлым, радостным, красивым, отношения с Тонькой таким не были и не могли быть. Арсеньев, чувствуя весь «ужас» любви, не может обрести гармонию и успокоение. И время «любви» с Тонькой становится для Арсеньева «ужасным временем», «настоящим помешательством». *«Прошла зима, наступила весна <...> я, ничего не замечая, зачем-то упорно изучал английский язык»* [1, с. 126]. В этом упорном «зачем-то» изучении английского языка – вся механистичность жизни Арсеньева в это время, все безумие ситуации. *«Бог спас меня неожиданно»* [1, с. 126]. К счастью для Арсеньева эти отношения прекратятся.

Обратим внимание на ещё одну важную составляющую повседневной жизни: взаимоотношения с людьми и социальное проявление человека (героя).

Когда мы видим Арсеньева – молодого человека лет двадцати-двадцати пяти, мы почти не наблюдаем его в социальной сфере жизни. И. А. Бунин словно специально выводит Арсеньева из практической деятельности и из сферы социальных взаимоотношений. Вскользь говорится о службе в орловской газете «Голос», о его работе в земском статистическом управлении, также нет упоминаний о семейной, хозяйственной и гражданской деятельности. Получается, что в отличие от многих известных нам литературных героев Арсеньев – натура не бытовая, не социальная, не практическая, не гражданская. Перед читателем созерцатель жизни, художник слова, философ. Возможно, это объясняется характером Арсеньева, но во многом это связано и с позицией писателя. И. А. Бунина попытался осмыслить суть и смысл человеческого существования, жизнь одарённого человека, но не конкретные социальные связи человека со временем и эпохой.

Социальные и гражданские проявления размываются и нивелируются под влиянием чувственного, эмоционального и эстетического восприятия жизни героем. Арсеньева мало волнует его собственная материальная и житейская неустроенность. Для него главное – свобода, высокие порывы и устремления, поиски своего Я.

Арсеньев обостренно чувствует несовершенство людей, которые его окружают. Он замечает любые детали в человеческой натуре: фальшь, ограниченность, пошлость, непонимание красоты. Ещё с гимназических лет Арсеньеву чужд мещанин Ростовцев, человек высокомерный и властный. Станет ненавистным и Вадим Лопухин, организатор кружка гимназистов-дворян, самоуверенный, циничный и пошлый. С презрением относится Арсеньев к участникам любительского драматического кружка, где многие мнят себя талантливыми, но по натуре своей являются ограниченными. То же почувствует герой и в харьковском народническом кружке. Доктор, отец Лики, покажется Арсеньеву высокомерным, односторонним, и косным человеком. Такие люди отталкивают Арсеньева, он не привык мириться с недостатками и изъянами, он привык стремиться к красоте, к радости. Однако были в окружении Арсеньева люди сложные, интересные, незастывшие, несущие в себе полноту жизни, например, Баскаков, Балавин, острожник, босяк, цыганка и другие. В таких людях Арсеньев ценил незаурядность и особенность.

Итак, в романе «Жизнь Арсеньева» обыденность подвергается творческому анализу личности. Мир повседневности, как отмечает О. В. Пустовойтова, обретает «статус эстетосферы» [10]. Будничные явления становятся эстетическими феноменами, которые герой постигает чувственно, созерцательно. Эстетическое отношение Арсеньева к обыденному миру и его реалиям

определяет иное прочтение таких феноменов, как дом, сад, город, а также таких естественных проявлений человеческого бытия, как жизнь и смерть, любовь и человеческие отношения.

«Жизнь Арсеньева» не утопия, мы видим не идеального человека, а героя, который проходит свой собственный путь. Арсеньев художник, до крайности чуткий к любому ложному и фальшивому проявлению в искусстве, а вместе с тем он не претендует на полное разгадывание тайн жизни, на безошибочное постижение бытия. Арсеньев стремится к идеальному, вечному, прекрасному. В этом стремлении многое ещё (напомним, что герою всего 25 лет) остаётся неясным, нерешённым, однако многое уже потом будет осмыслено и понято Арсеньевым-рассказчиком через призму времени.

Список литературы

1. Бунин И. А. Полное собрание сочинений: в 13 т. М.: Воскресенье, 2006. Т. 5. Жизнь Арсеньева. Роман (1927–1929; 1933); Божье древо. Рассказы (1927–1931).
2. Афанасьев В. А. И. А. Бунин. Очерк творчества. М.: Просвещение, 1966. 384 с.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. 323 с.
4. Бердяев Н. А. Смысл творчества (Опыт оправдания человека). М.: АСТ, Астрель, 2011. 672 с.
5. Бродель Ф. Структуры повседневности: Возможное и невозможное // Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 1. М., 1986. 622 с.
6. Динесман Т. Г. По страницам ранних поэтических тетрадей Бунина // Литературное наследство. Иван Бунин. М.: Наука, 1973. Кн. 2. С. 121–138.
7. Касавин И. Т. Щавелев С. П. Анализ повседневности. М., 2004. 432 с.
8. Мэй Р. Мужество творить. М.: Институт общегуманитарных исследований, 2015. 152 с.
9. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2005. 256 с.
10. Пустовойтова О. В. Феномен повседневности в романе И. А. Бунина «Жизнь Арсеньева»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. М., 2011. 184 с.
11. Розанов В. В. Природа и история. М., 2012. 276 с.
12. Саакянц А. Об И. А. Бунине и его прозе // Бунин И. А. Рассказы / сост., предисл., ком. А. Саакянц. М.: Правда, 1983. С. 3–18.
13. Струкова Т. Г. Повседневность и литература // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2010. № 4. С. 8–20.
14. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 304 с.
15. Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: Очерки по феноменологической социологии. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.

References

1. Bunin I. A. *Polnoe sobranie sochinenij v 13 t.* [Collected Works in 13 v.] Moscow: Vskresen'e Publ, 2006. V. 5. *ZHizn' Arsen'eva. Roman (1927–1929; 1933); Bozh'e drevo. Rasskazy (1927–1931)* [T. 5. Life of Arseniev. Roman (1927–1929; 1933); God's tree. Stories (1927–1931) (In Russian)].

2. Afanas'ev V. N. *Bunin. Ocherk tvorchestva* [Bunin. An Essay on Creative Work] Moscow: Prosveshchenie Publ., 1966. 384 p. (In Russian).
3. Berger P., Lukman T. *Social'noe konstruirovaniye real'nosti* [Social construction of reality] Moscow, 1995. 323 p. (In Russian).
4. Berdyaev N. A. *Smysl tvorchestva (Opyt opravdaniya cheloveka)* [The meaning of creativity (the Experience of justifying a person)] Moscow: AST, Astrel Publ, 2011. 672 p. (In Russian).
5. Brodel' F. *Struktury povsednevnosti: Vozmozhnoe i nevozmozhnoe* [Structures of everyday life: Possible and impossible] *Brodel' F. Material'naya civilizaciya, ekonomika i kapitalizm, XV–XVIII vv.* [Material civilization, economy and capitalism, XV–XV centuries] v 3 v. Moscow, 1986 V. 1. 622 p. (In Russian).
6. Dinesman T. G. *Po stranicam rannih poeticheskikh tetradej Bunina* [On the pages of Bunin's early poetry notebooks] *Literaturnoe nasledstvo. Ivan Bunin, kn.2* [Literary legacy. Ivan Bunin, book 2] Moscow: Nauka Publ, 1973. Pp. 121–138 (In Russian).
7. Kasavin I. T. SHCHHavelev S. P. *Analiz povsednevnosti* [Analysis of everyday life] Moscow, 2004. 432 p. (In Russian).
8. Mej R. *Muzhestvo tvorit'* [The Courage to Create] Moscow: Institut obshchegumanitarnyh issledovanij Publ, 2015, 152 p. (In Russian).
9. Ortega-i-Gasset X. *Vosstanie mass* [The Revolt of the Masses] Moscow, 2005. 256 p. (In Russian).
10. Pustovojtova O. V. *Fenomen povsednevnosti v romane I. A. Bunina «ZHizn' Arsen'eva»* [The phenomenon of everyday life in the novel "The Life of Arsenyev" by I. A. Bunin] *diss. kand. filol. nauk: 10.01.01.* Moscow, 2011. 184 p. (In Russian).
11. Rozanov V. V. *Priroda i istoriya* [Nature and history] *Vasilij Rozanov* [Vasilij Rozanov] Moscow, 2012. 276 p. (In Russian).
12. Saakyanc A. *Ob I. A. Bunine i ego proze* [About I. A. Bunin and his prose] *Bunin I. A. Rasskazy* [Bunin I. A. Stories] *Sost., predisl., kom. A. Saakyanc.* Moscow: Pravda Publ, 1983. Pp. 3–18 (In Russian).
13. Strukova T. G. *Povsednevnost' i literatura* [Everyday life and literature] *Izvestiya YUzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki.* 2010. № 4. Pp. 8–20 (In Russian).
14. SHmid V. *Narratologiya* [Narratology] Moscow: YAzyki slavyanskoj kul'tury Publ, 2003. 304 p. (In Russian).
15. Schutz A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoi sotsiologii* [The Semantic structure of everyday world: essays on phenomenological sociology] Moscow: Institute Foundation «Obshchestvennoe mnenie» Publ, 2003. 336 p. (In Russian).